

©1995 г.

И.Л. ШМЕЛЕВ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИИ

ШМЕЛЕВ Николай Петрович —член-корреспондент Российской Академии наук.

Нынешний кризис российской экономики есть прежде всего кризис ее тотальной неконкурентоспособности, накопившейся десятилетиями. Выход из этого кризиса неизбежно потребует нескольких десятилетий.

При любом возможном характере политической власти в стране перспективы ее возрождения будут зависеть от решения одних и тех же экономических проблем. Причем, решаться эти проблемы будут, вероятнее всего, примерно одними и теми же методами, основанными преимущественно на рыночных отношениях, поскольку прежняя система административной («лагерной») экономики разрушена, по-видимому, безвозвратно.

Наиболее важная экономическая проблема России — необходимость избавления от значительной части промышленного потенциала, которая, как оказалось, либо вообще не нужна стране, либо нежизнеспособна в нормальных, то есть конкурентных, усло-

виях. Большинство экспертов сходятся во мнении, что речь идет о необходимости закрытия или радикальной модернизации от 1/3 до 2/3 промышленных мощностей.

Своеобразным символом в этом смысле стала Воркута, которая рыночной ценой угля покрывает лишь 15% своих издержек, остальные 85% ей оплачивает госбюджет, т.е. налогоплательщики. В аналогичном положении находятся множество других предприятий угольной, лесной, химической промышленности, металлургии, машиностроения, оборонных отраслей и т.д. При нынешнем уровне эффективности обреченными представляются также 70—80% коллективных хозяйств в аграрном секторе.

За последние три года на внутреннем рынке России сложилась, наконец, обстановка, являющаяся необходимым условием для ликвидации губительного монополизма производителей, развития конкуренции и стимулирования научно-технического прогресса, а именно: обстановка всеобщего превышения предложения над спросом. Но процесс «выбраковки» нежизнеспособных производств и отраслей, чреватый разрушительными социальными взрывами, ни в коей мере не может быть пущен на самотек. Мы пока еще не имеем автоматического рыночного механизма перелива капитала из отрасли в отрасль, и неизвестно, сколько времени пройдет, пока мы будем его иметь.

Очевидно, что мы физически не можем обойтись ни сейчас, ни в предвидимом будущем без целенаправленной структурной (индустриальной) политики государства, которая сочетала бы, с одной стороны, план-график постепенной «выбраковки» обреченных предприятий (то есть постепенного лишения их субсидий из бюджета со всеми вытекающими отсюда последствиями, вплоть до банкротства тех, кто не сумеет приспособиться), а с другой — продуманный выбор государственных приоритетов для поддержки перспективных производств, в первую очередь, конечно, высокотехнологичных и наукоемких отраслей, имеющих, наряду с топливно-сырьевыми отраслями, какие-то шансы выхода на мировой рынок.

Важнейшим направлением индустриальной политики государства должно стать также создание надежной «социальной сетки безопасности», которая смогла бы самортизировать болезненные социальные последствия экономической реконструкции подобных масштабов. Имеются в виду прежде всего выделение достаточных средств для переучивания, перемещения и обустройства высвобождаемой рабочей силы, система пособий по безработице, различные общественные работы. Сегодня в нашей промышленности 1/3 рабочей силы является излишней по нашим же техническим нормам, а в ряде отраслей, городов и районов все занятые — излишни абсолютно.

Но только прямого государственного участия в смягчении проблемы занятости недостаточно. На всю видимую перспективу государственный сектор (включая и приватизированную его часть) обречен лишь выталкивать из себя рабочую силу, а не втягивать ее. Вне всяких идеологических соображений, проблема занятости в стране не может быть решена без свободного, ничем не ограниченного развития индивидуального и корпоративного частного сектора, в особенности мелких и средних предприятий в производстве и сфере услуг. Только при этом условии мы можем надеяться, что открытая безработица в России в видимой перспективе может быть удержана на более или менее безопасном уровне в 9—12% от всего трудоспособного населения.

Другая крупнейшая проблема — необходимость оздоровления денежной и кредитно-финансовой системы страны. Не было никогда и не бывает здоровой экономики без здоровых денег. Ни нормальное, то есть бездефицитное, кровообращение в экономике, ни решающее условие всякого прогресса — достаточные сбережения, а, следовательно, и инвестиции, — невозможны, если деньги не работают в полную силу.

При нынешних масштабах той части нашей экономики, которая живет лишь благодаря искусственной бюджетной поддержке, полностью безинфляционное развитие страны в ближайшей перспективе, видимо, недостаточно. Но действие двух других главных инфляционных факторов, — все еще сохраняющегося частичного отрыва наших внутренних цен от мировых и безответственной ценовой политики наших предприятий-монополистов, — может, благодаря окончательному отпуску цен на свободу (в первую очередь на нефть и газ), а также началу процесса массовых банкротств,

быть сведено к минимуму. Если России удастся ограничить инфляцию в близком будущем уровнем 15—20% в год, нормальный процесс сбережений и инвестиций начнет, несомненно, возрождаться.

Неприемлемо высокий нынешний уровень бюджетного дефицита (15—20% от ВВП, а надо не более 1-2%), наихудшая в мире налоговая система, конфискационные методы покрытия бюджетных расходов, и проч. — все эти болезненные проблемы императивно потребуют своего решения от любого будущего правительства страны, независимо от его политической ориентации. Налоговая реформа, поощряющая, а не затрудняющая процесс сбережений, стабильно положительный процент по всем видам депозитов и заимствований в банковской системе страны, развитие фондового рынка — важнейшие методы восстановления бюджетного равновесия и нормализации инвестиционного процесса. Однако в сложившихся условиях ликвидация бюджетного дефицита, похоже, уже недостижима без широкой продажи на свободном рынке активов, все еще принадлежащих государству. И в первую очередь (тоже вне всяких идеологических мотивов) важнейшего из этих активов — земли.

Процесс подрыва всеобщего доверия к рублю и долларизация российской экономики зашел столь далеко, что денежная реформа в самом близком будущем представляется неизбежной. Это может быть либо введение твердого фиксированного курса действующего рубля по отношению к иностранным валютам (но как это сделать на практике?), либо выпуск параллельной национальной валюты («червонца»), также имеющей фиксированный курс. Не следует к тому же исключать, что при благоприятном стечении обстоятельств новый твердый рубль с момента своего появления может стать наднациональной валютой для некоей «рублевой зоны», охватывающей все, либо часть стран СНГ.

Нормальное экономическое развитие России не может быть обеспечено без приостановки бегства национального капитала за границу и возвращения тех денег, которые успели убежать. Речь уже идет о величинах порядка 50—100 млрд. долларов. Необходимо, однако, отдавать себе отчет в том, что никакие полицейские меры здесь всерьез не помогут. Только создание надежных политических и экономических гарантий сохранности этих капиталов, а также обеспечение для них возможности прибыльного инвестирования у себя на родине могут вернуть их назад.

Очевидно, что нынешний процесс приватизации государственной собственности (включая «ваучеризацию») принял характер откровенного передела ее между директором и группирующимися вокруг него кланами. Завершение этого безобразного, но, по-видимому, неизбежного процесса потребует, скорее всего, еще лет пять, а может быть, и больше. В ходе его, однако, есть основания надеяться, что жизнеспособные крупные вертикальные и горизонтальные структуры будут так или иначе восстановлены, похоже, преимущественно в виде различных промышленно-финансовых групп. Этот процесс может быть и, вероятно, будет ускорен притоком в бывший государственный сектор новых российских частных капиталов, а также капиталов из-за рубежа.

Вызывает повышенную тревогу та антипредпринимательская, по существу запретительная политика, которую правительство реформаторов вот уже три года проводит в отношении классического частного сектора. Объяснения подобной политики могут быть различны, но ее направленность очевидна: удержать частную инициативу в мелкой торговле и отчасти в банковском деле и не пустить ее в производство, сферу услуг, транспорт, коммунальное хозяйство, аграрный сектор и все другие отрасли, где стихийное частное предпринимательство могло бы подорвать позиции приватизированных государственных предприятий. Так долго продолжаться не может: и нормализация экономической жизни страны, и ее научно-технические перспективы связаны не только и даже не столько с деятельностью наших промышленных монстров, сколько с инициативой малых и средних предприятий, конкурирующих своими идеями и продукцией за место на рынке.

Никакого обострения регионального сепаратизма в России на самом деле не су-

шествует: идет обычный для всего мира процесс перераспределения налоговых доходов и экономической ответственности между центром и регионами. К сожалению, у нас он принимает подчас самые дикие, нецивилизованные формы. Но его конечным итогом будет, вероятнее всего, выработка какой-то устойчивой конституционной формулы, повышающей дозу регионов в собираемых в стране налогах до 50—60% при соответствующем увеличении их социально-экономической компетенции и ответственности. Вместе с тем, такая формула должна будет, по-видимому, учитывать и возможное выдвижение на первый план идеи освоения неосвоенных российских пространств как главной национальной цели на достаточно долгую перспективу.

Очевидная экономическая несостоятельность большинства постсоветских республик делает весьма вероятным (причем, возможно, в ближайшем будущем) ускорение их экономической реинтеграции. Этот процесс, несомненно, должен быть, во-первых, сугубо добровольным (экономическое воссоединение — не обязанность, а привилегия), и, во-вторых, он должен протекать с минимальным, а еще лучше — без всякого субсидирования со стороны России. Говоря прямо, Россия сама сегодня слишком бедна, чтобы, скажем, финансировать разрушенное на десятилетие вперед Закавказье или взять на себя значительную долю ответственности за судьбу умирающего естественной смертью Донбасса. Возможно, что чем медленнее на деле этот процесс реинтеграции будет происходить (10—20 лет), тем более безболезненным он будет для России. Но в любом случае конечной целью экономического воссоединения должна стать полная жизнеспособность и дееспособность нового единства. Это предполагает: наднациональную валюту или платежный союз, основывающийся на свободной взаимной конвертируемости национальных валют по твердому курсу; единое таможенное пространство; полную свободу передвижения товаров, услуг, капиталов и рабочей силы в рамках такого объединения, включая приобретение всех видов собственности; общую инфраструктуру; какой-то общий бюджет; наднациональные органы с правом принятия решений, координирующие социально-экономическую политику участвующих стран.

Рыночная экономика — это неизбежно более или менее открытая экономика. Для России фактор «открытости» приобретает дополнительную важность еще и потому, что в ее предельно монополизированной экономике, по существу никогда не знавшей конкуренции, единственным действенным источником и сегодня, и на годы вперед может быть только конкуренция импорта.

Наиболее трудной в наших отношениях с «дальним зарубежьем» была и остается проблема растущей задолженности России (на сегодня уже около 120 млрд долларов). Выход или, по крайней мере, смягчение ситуации здесь возможны преимущественно по трем направлениям: продолжать политику побуждения наших основных кредиторов к максимально длительной отсрочке наших долгов (но не доводя дело до их списания, то есть до нашего государственного банкротства); как можно активнее продавать на рынке задолженность нам других государств (она сейчас на уровне 145 млрд долларов); прекратить дальнейшие государственные заимствования у других стран и международных организаций, за исключением, возможно, строго целевых займов у МВФ на стабилизацию рубля или на выпуск новой национальной валюты.

Россия должна, наконец, определиться в своем отношении к иностранному частному инвестиционному капиталу. Это единственный мощный источник внешнего содействия, который может сыграть крупнейшую, а в некоторых областях и решающую роль в нашем экономическом возрождении. К сожалению, существующие политические, юридические, экономические и даже психологические барьеры все еще препятствуют его массивному притоку. На сегодня иностранные инвестиции в России находятся на уровне 3 млрд долларов, в то время как в Венгрии — 5 млрд, а в Китае, с учетом инвестиций диаспоры, — уже свыше 200 млрд долларов.

Ни российское руководство, ни российская общественность пока еще, по всем признакам, не отдают себе должного отчета в значении для нас проблемы протекционизма. Если сегодня полностью открыть двери российской экономики, конкуренцию

иностранной продукции могут выдержать лишь нефть, газ, некоторые виды сырья и, может быть, часть нашей оборонной промышленности. Все остальные отрасли без тарифной или административной защиты ее не выдержат. Но и удерживать основную часть нашей экономики в «тепличном режиме» слишком долгое время нельзя: мы и так уже по индексу конкурентоспособности (и уровню производительности труда) занимаем в мире где-то 50—60-е место. Очевидно, что поиск разумного сочетания открытости и протекционизма — это центральная задача любого нашего будущего правительства и неизбежная органичная часть политики структурной перестройки экономического потенциала России.

История XX века показала, что при всем национальном своеобразии Россия не может длительное время идти вне или поперек потока, которым движется весь остальной мир. Если, по существующим оценкам, через 20 лет в наиболее развитой части мира в чисто материальном производстве будет занято не более 5% трудоспособного населения (2—3% в традиционной промышленности и 1—1,5% в сельском хозяйстве) — значит, это и наша перспектива. Весь вопрос лишь в том, как мы к этому придем. Если, конечно, исключить возможность национального самоубийства...